

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Жаркий денек сегодня, Егор Филиппович, словно и не май на дворе... — Подтянутый капитан в общевойсковой форме обвел взглядом кабинет. Любителем чистоты и порядка его хозяин явно не был.

За окном второго этажа гудело шумное хозяйство — автобаза № 3 города Одессы. Ругались рабочие, активно используя возможности русского языка, сновали полуторки и шестиколесные «ГАЗ-ААА». Упрямо не заводился отслуживший свой век самосвал, отчего комментарии шоферов становились жестче и образнее.

Капитан плавно прикрыл дверь. Со стен живописно свисали лохмотья штукатурки, в углу стыдливо пряталась паутина. Но портрет отца народов присутствовал на видном месте — с него регулярно стирали пыль.

За столом сидел директор автобазы товарищ Калымов — грузный субъект в жилетке и пиджаке, обмахивался сложенной газеткой. Май 1944 года на юге страны выдался жарким, и не хотелось гадать, каким будет лето.

Директор оторвался от бумаг, удостоил посетителя небрежным взглядом: мол, вы таки по делу, товарищ, или просто гуляете?

— Капитан Огаревич, — представился посетитель. — Сигнальчик поступил по вашу душу, Егор Филиппович. — Капитан откашлялся, сделал несколько шагов. Поскрипывала кожа сапог.

В глазах директора автобазы блеснула тревога. Он нахмурился, отложил газетку. По сморщенному лбу поползла капля пота, преодолела переносицу, перебралась на прыщеватый нос. Директор раздраженно смахнул бусинку пальцами.

— По мою душу сигнальчик, уважаемый? — Директор автобазы сглотнул. — О чем вы, позвольте спросить?

— Не конкретно по вашу душу, — поправил капитан. — К вашей душе претензий не имеем — вы ответственный, добросовестный товарищ, имеющий неоспоримые заслуги перед Родиной. Не волнуйтесь, все в порядке, — капитан сухо улыбнулся. — Мы не собираемся доставлять вам неудобства, обычная проверка. Позвольте присесть?

— Да, конечно... — Калымов вздрогнул и облизнул губы. От внимания капитана не укрылось, как он облегченно вздохнул — обычная реакция любого советского человека. Огаревич с удобством устроился на стуле, уставился в открытое окно.

Автобаза располагалась на улице Кожихинской, в двух шагах от Воронцовки и железной

дороги. Предприятие было солидное, автопарк насчитывал тридцать транспортных средств специального назначения: вездеходы, бульдозеры, самосвалы. Освобожденной от оккупантов Одессе это требовалось как воздух, техника работала на пределе, остро ощущалась нехватка запчастей.

— Прошу прощения, товарищ капитан... В каком, говорите, ведомстве вы служите?

— Пока не говорил. — Капитан извлек из нагрудного кармана красное удостоверение. Тисненые буквы извещали недвусмысленно: «НКО, Главное управление контрразведки СМЕРШ», капитан Огаревич, оперативный отдел. — Посетитель закрыл корочки и убрал в карман. — Да вы не волнуйтесь, Егор Филиппович, повторяю, это обычная проверка. Поступил сигнал — мы обязаны среагировать.

Но директор автобазы не мог не волноваться. Он снова потел, делал страдальческую мину, пытался ее стереть, но лицевые мышцы не слушались. Военную контрразведку боялись все — и штатские, и военные. Репутация учреждения бежала впереди его конкретных дел.

— Я не понимаю... Может, объясните? Мы ничем таким не занимаемся, четко выполняем все постановления горкома и горисполкома... Трудимся без выходных, как и вся страна... Да, бывает, техника выходит из строя, сегодня утром сломался самосвал, но где, скажите на милость, брать запчасти? Что-то можем изготовить в сво-

ей мастерской, но далеко не все. Нам не хватает мощностей, оборудования...

— Поступил анонимный сигнал, — перебил его Огаревич. — Полагаю, его автор — работник вашего предприятия, решивший остаться в тени. Он сообщил, что в четвертом гараже имеется спуск в катакомбы, и в нерабочее время его используют — наблюдается движение людей и грузов. Это происходит регулярно, как минимум дважды в неделю.

Скрипнула дверь — вздрогнул Калымов, раздраженно поморщился контрразведчик. Заглянула секретарша из приемной — ладно сбитая, с волнистыми кудряшками, далеко за сорок, но с остатками былой красоты на лице.

— Егор Филиппович, вы позволите?

— Что еще, Клавдия Игнатьевна? Не видите, я занят?

— Я очень извиняюсь, Егор Филиппович... — Секретарша мазнула любопытным взглядом посетителя. — Но это срочно, людям надо ехать, они ждут. Подпишите путевые листы и накладные на груз.

— Конечно, товарищ Калымов, занимайтесь работой, — улыбнулся капитан. — Не хочу вас отвлекать.

Но волнение не отпускало директора. Он вооружился перьевой ручкой, исподлобья уставился на секретаршу. Женщина сделала кроткое лицо, устремила к нему со стопкой бумаг. Застучали каблучки по деревянному полу. Капитан за-

думчиво смотрел на женские формы: неплохой, весьма неплохой тазобедренный сустав...

Калымов размашисто подписывал бумаги, отбрасывал их на край стола. Секретарша поймала листы, снова глянула через плечо — и с любопытством, и с робостью, и с какой-то затаенной надеждой. Капитан был хорош собой, а большинству женщин сейчас так не хватало мужского внимания...

— Спасибо. Егор Филиппович, прошу простить, что отвлекла... — Секретарша еще раз глянула на посетителя и удалилась, призывно покачивая бедрами.

— Клавдия Игнатьевна, распорядитесь, чтобы никто не заходил, — бросил ей в спину Калымов. — Я занят, пусть ждут.

— Конечно, Егор Филиппович.

Дверь закрылась. Директор автобазы шумно выдохнул.

— Это поклеп, товарищ капитан, иначе не скажу... Анонимный донос? Ну, конечно, у меня хватает недоброжелателей... Взять того же Сидоренко, уволенного на прошлой неделе, — осуществлял левые рейсы на своей полutorке и тщательно это скрывал. А когда поймали, начал возмущаться — дескать, родители у него большие, сестра калека... В четвертом гараже, говорите? Этой частью автобазы заведует товарищ Рыхлин, ответственный и добросовестный сотрудник, член партии, между прочим. Не думаю, что он устроил в своей вотчине что-то запрещен-

ное, в это невозможно поверить. Лично мне об этом ничего не известно. Это правда, товарищ, я не лукавлю. — Калымов отчасти справился с собой и даже подбоченился. — Мы не занимаемся незаконными вещами. Я не спорю, возможно, в гараже и существует проход в городские катакомбы. Но вы же знаете этот город. Где их нет? Повсюду эти лазы, шахты. Вы вспомните, как строилась Одесса. К тому же наши здания возведены из ракушечника, а это значит, каменоломни в районе более чем вероятны, не вижу в этом ничего необычного...

— Что скажете про товарища Рыхлина?

— Старательный, порядочный работник. Характер крут, прогулов и пьянства не терпит, держит работников в узде. Воевал до 43-го года, но зимой застудил легкие и был комиссован. Местный житель, проживает на Складской улице...

— Позвольте осмотреть гараж?

— В чем вопрос, товарищ капитан? Можете это сделать прямо сейчас, я прикажу оказать вам помощь. Вы... один будете осматривать? — Директор автобазы растерянно заморгал.

— Со мной два красноармейца, они на улице. Скоро подъедут другие члены опергруппы — их задержали дела.

— Как скажете, товарищ, готов оказать нашим органам всяческое содействие.

Капитан поднялся, хрустнули коленные суставы, подошел к окну. Во дворе былолюдно. На площадке перед гаражом стоял мощный че-

тырехосный грузовик ЯГ-12, переделанный в самосвал. Машина смотрелась неважно. Эти монстры выпускали в начале 30-х годов. Данный экземпляр насквозь проржавел — особенно двери кабины и колесные диски. В машине копались механики. Крышка капота торчала в небо под углом сорок пять градусов — словно ствол зенитки. Над въездом в гараж № 1 алел транспарант: «Все силы тыла — на помощь фронту!» Облезлые ворота украшал плакат, изображающий женщину с мужественным лицом и пачкой лотерейных билетов. За спиной гражданки скакала кавалерия и летели истребители. Рисунок сопровождался надписью: «Приобретайте лотерейные билеты! Участием во второй денежно-вещевой лотерее поможем фронту!»

Калымов поднял трубку перемотанного изоляционной аппаратуры, заскрипел диск.

— Кому-то звоните, Егор Филиппович? — шевельнулся Огаревич.

— Так это... Рыхлину и звоню, — смутился Калымов. — Чтобы ждал и не удивлялся, когда подойдут ваши люди...

— Егор Филиппович, вы в своем уме?!

— Простите, а что не так? — Директор автобазы искренне не понимал, в чем дело, но трубку повесил. — Наверное, я не совсем понимаю...

— Так и есть, Егор Филиппович. Давайте пока не делать необдуманных движений. Повторяю в третий раз, лично к вам у органов претензий нет. Давайте подождем, пока подъедут наши сотруд-

ники. Уверен, они уже в пути. Сколько человек трудится на автобазе, товарищ директор?

— По штату 94 человека — включая бухгалтеров, чернорабочих, подсобный персонал...

— Чем конкретно занимается автобаза?

— Перевозкой грузов, товарищ капитан, чем же еще? — Калымов склеил неуверенную улыбку. — Выделяем автотехнику по распоряжению горисполкома — на стройки для доставки цемента и прочих стройматериалов; для перевозки продуктов, других грузов, выделяем технику для элеваторов и совхозов, для сноса поврежденных зданий, рытья котлованов. Наша автобаза — крупнейшая в Одессе и многофункциональная, так сказать... — Директор явно гордился своим детищем. — Предприятие сформировано на базе старого сразу после освобождения города. При немцах и румынах сюда свозили поврежденную технику, пытались чинить, а если не удавалось, снимали узлы, агрегаты, разбирали на запчасти. Работали наши... — Калымов споткнулся. — Ну, а что им оставалось? Велась мобилизация гражданского населения, немцы расстреливали непослушных. А у людей семьи, их надо чем-то кормить...

Огаревич поморщился. По сотрудничеству с нацистами население Одессы побило все рекорды.

— Вы тоже работали на немцев?

— Боже упаси, товарищ капитан, — голос директора зазвенел от возмущения. — Да чтобы я прислуживал фашистам — где вы такое вида-

ли? Я в город прибыл 12 апреля с первой волной вернувшихся из эвакуации. Нас в Николаеве временно размещали, там и получил назначение — совместно с личной просьбой заместителя первого областного секретаря товарища Кубасова! — Калымов задрал нос и подкрутил усы, которые прежде безжизненно висели, напоминая сосульки. — До марта 42-го года я находился в действующей армии в должности заместителя начальника штаба автомобильного батальона. В атаки, возможно, и не ходил... Возраст, знаете ли, под полтинник катило, занимался технической частью — кто-то ведь должен? Получил осколок в ногу под Сталинградом — под обстрел попали. Вытащили, прооперировали, но, увы, нога осталась ущербной. Списали, в общем, с довольствия, в Липецк отправили — заведовать гаражом первого секретаря областного комитета, туда и семью перевез из Курска. Потом новое назначение — Новороссийск, Николаев, в порту работал, руководил загрузкой и отгрузкой...

— Понятно, Егор Филиппович. — Огаревич отвернулся от окна. — Вы продолжаете нервничать, а ведь ничего ужасного не происходит. Если ложный донос — мы разберемся. Могу я ознакомиться с личным делом товарища Рыхлина? А также со схемами и чертежами четвертого гаража, включая коммуникации?

— С личным делом, извиняюсь, не ко мне, а в отдел кадров... — Калымов выбрался из-за стола и, прихрамывая, направился к застекленному

шкафу, набитому папками. — А вот насчет схем и чертежей сейчас посмотрим...

Стекло сопротивлялось, пришлось приложить усилие, чтобы отодвинуть. Ворча под нос, Калымов ковырялся в папках, вытащил одновременно несколько штук, ладонью смахнул пыль.

— Сами полюбуйтесь, товарищ капитан, что здесь творится. Не хватает времени привести в порядок документацию. Людей мало, а это надо сутками сидеть. Немцы, кстати, архив не тронули, им даже жечь это было лень — стащили под лестницу и бросили. Все пылью покрылось за два с половиной года. А мы собрали и обратно затолкали... Вот, пожалуйста, это то, что вам надо...

Капитан подошел, чтобы взять документы. Удар был внезапный, такого точно не ожидаешь! Нож Калымов держал под папкой. Тонкое лезвие вошло в живот, провернулось. У капитана перехватило дыхание, обмякли ноги. Перед ним стоял уже не трусоватый, неуверенный в себе директор. Калымов окаменел, глаза источали холод. Заскрипели зубы, нарисовалась кривая ухмылка. Лезвие разрывало внутренности. Текла кровь, но на убийцу не попадала — он выбрал правильную дистанцию. Огаревич хотел что-то сказать, но кровь пошла горлом. Глаза с ужасом смотрели на убийцу. Ноги подкосились. Калымов выдернул нож, схватил капитана за ворот гимнастерки, придержал. Нога у директора действительно побаливала. Тело жертвы еще дрожало, Огаревич откинул голову, сжимал кулаки —

словно приказывал себе остаться в живых. Но глаза затягивала поволока. Калымов угрюмо смотрел, как человек расстается с жизнью. Контрразведчик застыл, кровь сочилась из уголков рта. Калымов досадливо сплюнул:

— Эх, осложнил же ты нам работу, капитан... Кто же та сволочь, что на нас накапала? Хорошо еще, что вы работаете безграмотно...

Он схватил покойника за шиворот, оттащил за шкаф, перевел дыхание. На полу остались разводы, да бес с ними, стол загораживал... Скрипнула дверь, всунулся худощавый мужчина с белесым лицом.

— Я зайду, Егор Филиппович? Чем занят?

Директор выглянул из-за шкафа. Вот так и проваливаются даже самые опытные из агентов!

— Не зайдешь, Петр Евсеевич, — проворчал он. — Выйди, пожалуйста, если не сложно!

— Да ладно, чего ты такой нервный? — Мужчина недоуменно пожал плечами, собрался сделать шаг, но не решился — слишком свирепо выглядел директор. — Слушай, а чего ты там делаешь за шкафом?

— Тараканов развожу, — огрызнулся директор. — Не обращай внимания, новость недобрую с фронта получил... Слушай, Петр Евсеевич, давай, ты сейчас выйдешь, а позднее я тебя вызову, добро?

— Как скажешь, Егор Филиппович, ты только не переживай так сильно... — Посетитель попятился.

— Клавдия Игнатьевна, я же сказал никого не пускать! — прокричал директор. — Вам непонятно слово «никого»?

— Егор Филиппович, так это же Петр Евсеевич... — жалобно отозвалась секретарша. — Его ведь и гаубичный огонь не остановит...

— Зайдите, Клавдия Игнатьевна!

Что-то не понравилось секретарше в этой обыкновенной просьбе. А как же посетитель в погонах? Офицер не выходил из кабинета. Поколебавшись, она заперла дверь из приемной в коридор. Потом вошла в кабинет, ступая вкрадчиво, как лиса. Калымов исподлобья глядел на сотрудницу — словно боксер, поджидающий соперника. Секретарша обогнула стол, мрачно уставилась на мертвое тело. Привлекательное лицо превратилось в маску. Побелела челюсть. Женщина подняла глаза, вопросительно уставилась на руководителя.

— Объяснения последуют, Егор Филиппович? — голос ее просел, источал прохладные нотки. — Вы понимаете, что это никуда не годится? Вы ставите под удар не только нас с вами...

— Это СМЕРШ, моя дорогая, — перебил Калымов. — Кто-то настучал, отправил анонимный донос. Интересуются четвертым гаражом. Наше счастье, Клавдия Игнатьевна, что это только праздный интерес, подобных доносов у них тьма. На этот раз они попали и сами этого не поняли. Черт... — Директор окаменел, побелели скулы.

— Нам придется увольняться? — прохладно усмехнулась женщина.

— Вы правы, люди видели, как капитан заходил в мой кабинет... По его словам, скоро подъедет остальная группа. Не исключено, что уже едут...

— Он прибыл не один, — напомнила женщина. — На улице курят два солдата. По третьей папиресе курят.

— Откуда знаете? — вздрогнул Калымов.

— Окно в приемной. Сверху все видно.

— Надо уходить. Как же это некстати... Две минуты на сборы, Клавдия Игнатьевна. — Директор впился тяжелым взглядом в помощницу.

— А гостя оставим? — Клавдия Игнатьевна выразительно кивнула на тело. — Не находите, что это несколько безрассудно? Его обнаружат очень быстро.

— Вы правы, нужна фора... Придется рискнуть, Клавдия Игнатьевна. Быстро вызывайте Рыхлина и Штыренко, пусть бросают свои дела, если не хотят угодить в застенки СМЕРШ. Разыграйте спектакль, придумайте что-нибудь, у вас же неиссякаемая фантазия, душечка...

Спектакль состоялся через три минуты. По второму этажу административного здания разлетелся свирепый рык директора: «Клавдия Игнатьевна, я вас уволю к чертовой матери! Посмотрите на ковер в кабинете! Он прогнил, съеден тлей, в нем вскрылось тараканье гнездо! Быстро унесите эту гадость, пока мы все не

заразились! И чтобы сразу постелили новый!» Прибежали двое в кепках, в поношенных пиджаках, влетели в кабинет директора. Из отдела кадров, расположенного через коридор, высунулись обеспокоенные женские лица. Начальство явно не в духе. Возможно, это связано с визитом стройного капитана? Последний, видимо, ушел — не мог Егор Филиппович в его присутствии устраивать такой разнос.

Секретарша бормотала слова оправдания, потом сама сорвалась: «Егор Филиппович, я вам что, дезинфектор? Сами виноваты, зачем перевернули ковер? Под ноги смотреть надо, когда спотыкаетесь!» Ковер был действительно не новый, истоптан еще до войны, да и оккупанты постарались. Мужики вынесли в коридор свернутое в рулон четырехметровое ковровое изделие — оно изрядно весило, тащили с трудом. С изнанки ковра сыпалась труха, пыль стояла столбом. Захлопнулась дверь отдела кадров. Прижалась к стене оробевшая бухгалтер с папкой. «Эвакуируемся, Нина Петровна, — пошутит работник, — помочь не хотите?»

Ковер с трудом вынесли на лестницу. Там пришлось его кантовать, пространство было узким. Мужики отдувались. Пожал плечами инженер, прошмыгнувший мимо: и вправду, такой тяжелый?

Ковер вынесли на крыльцо, положили, чтобы передохнуть. У входа скучали два красноармейца из роты НКВД по охране тыла действующей

шей армии. Курить уже не могли, ждать надоело. Начальство задерживалось. Но на то оно и начальство — может, его директор чаем с сушками потчует? Они равнодушно смотрели на ковер, зевали.

Отдышавшись, мужики снова взялись за поклажу, потащили ее за угол. Бойцы проводили их глазами.

Во дворе царил рабочая атмосфера. Самосвал завелся, но быстро заглох. На заднем дворе было тихо. Пространство ограничивали бетонный забор и глухая стена здания. Здесь копился мусор, стояли полуторка без колес и хлебная будка на шасси «ГАЗ-АА». Машина работала, директор держал ее на всякий непредвиденный случай. Ключ от зажигания хранился под водительским сиденьем.

Ковер опять положили на землю. Плечистый малый с развитыми скулами распахнул двустворчатые двери фургона. Ковер приподняли и прислонили к бамперу. Задний двор был пуст. Мужики переглянулись, скуластый сделал выразительный знак. Второй был сухощав, моложе первого, над носом, как у неандертальца, нависали надбровные дуги. Но умственные способности это не умаляло. Он понял, кивнул и засеменил обратно за угол.

Во дворе ничего не менялось, трудились люди, дрожали проржавевшие борта самосвала. Красноармейцы опять достали папиросы. Пошучивал ефрейтор с рыжеватой щеточкой усов:

дескать, если долго кого-то ждешь — закури, и тот сразу придет. Но данное правило сегодня не работало.

— Мужики, помогите, — взмолился худошавый субъект. — Все равно без пользы стоите. Не можем ковер затолкать в фургон — громоздкий он... Минутное дело, мужики. Все равно ваш капитан чай гоняет с нашим директором, не скоро еще спустится...

— Ну, пойдем, раз вы такие немощные... — усатый ефрейтор поправил ремень висящего на плече ППШ и зашагал за угол. Второй засемянил за старшим товарищем. Плечистый малый пытался приподнять край ковра, чтобы затолкать его в фургон, тяжело отдувался.

— Да вы и впрямь мало каши ели, — засмеялся ефрейтор. — А на вид не скажешь. Тут и баба в одиночку справится.

— А ты попробуй, подними, — обиделся плечистый. — Плотный, зараза. До войны с Самарканда привезли — дружок у тогдашнего директора работал на ковровом заводе. Знаешь, какой здоровый, если расстелить? А у нас уже руки отнимаются, такую даль тащили. Я внутрь залезу, а вы снизу подавайте, добро?

Скуластый вскарабкался в будку. Военные подняли край ковра, продвинули вперед. Изделие со скрипом проехало по полу, уперлось в передний борт.

— Да, тяжело вато, — согласился ефрейтор. — Что там у вас?

— Труп вашего капитана, — признался второй работник автобазы. Солдаты неуверенно засмеялись. Ефрейтор осекся, встретившись с холодным взглядом. Удар ножом в живот подкинул бойца, он икнул, схватил за руку своего убийцу. Тот выдернул нож, ударил еще раз в то же место. Бил мастер — знал, как быстро умертвить человека. Вторым распахнул глаза, скинул автомат с плеча, но скуластый в фургоне упал на колени, схватил бойца сзади, сдавил шею предплечьем, а когда тот задергался, полоснул бритвой по горлу. Убийцы спешили — в любую минуту мог заглянуть посторонний.

Скуластый втащил в машину окровавленного рядового — ноги, обутые в стоптанные сапоги, безвольно волочились по полу. Он бросил тело на ковер, выпрыгнул из машины. Второго схватили за конечности, раскачали и забросили в кузов. Туда же полетели автомат и солдатская фуражка.

За углом ревел, как мастодонт, самосвал — починили-таки умельцы.

Один побежал в кабину, запустил двигатель, другой запер двери, присоединился к общнику. Хлебная будка повернула за угол, оставляя за собой угарную двуокись...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сотрудники 3-го отдела подтянулись только через сорок минут. День выдался суматошный, занимались кучей дел одновременно. К тому же прибыл новый начальник отдела. Пока знакомились, пока он присматривался к подчиненным — прошло еще время.

Спохватился капитан Казанцев — ладно сбитый, осанистый оперативник: что-то Володька Огаревич с автобазы не отзвонился! Обещали туда подъехать, но вся эта свистопляска...

Новый начальник оперативного отдела майор Алексей Лавров — русоволосый, с бледноватым лицом, 33 лет от роду — поневоле насторожился. Донос, по-видимому, ложный или ошибочный, но очень уж события, в нем описанные, ложились в канву его дела.

На майора смотрели с опаской — никто не знал, как будет мести новая «метла». Прежний начальник отдела майор Котляр погиб неделю назад, когда зацепил ногой растяжку в подвале заброшенного здания. Опытный человек, а вот попался. Майора собирали по кускам, и санита-

ры были крайне недовольны — обычно они имеют дело с целыми телами, а не с наборами запасных частей. Остальные успели выбежать, здание обрушилось. Контрразведчиков едва не заманили в ловушку.

— Что там с вашей автобазой? — недовольно спросил Лавров. — Почему капитан Огаревич уже полдня там прохлаждается?

Объяснил лейтенант Чумаков — молодой паренек, служивший до СМЕРШ в батальонной разведке. В городе последнюю неделю участились диверсии. Пострадали несколько объектов, расстреляли патруль. Злоумышленники появляются ниоткуда, пропадают никуда. Отсюда вывод: приходят из катакомб. А это, если что, «вторая Одесса». В годы оккупации она была головной болью немецких и румынских властей, а теперь — кошмар вернувшейся советской власти. Органы получали много сигналов, в том числе и анонимных. Богата на стукачей русская земля. Или все же украинская? Это не имело значения. Анонимное письмо бросили в почтовый ящик на двери Управления НКВД. Несколько дней оно там валялось, потом, наконец, прочитали, отфутболили в СМЕРШ. Капитана Огаревича ранее назначили временно исполнять обязанности начальника отдела.

— Такой человек, сам все делает, товарищ майор, — объяснял Чумаков. — Другим не доверяет. Считает, что, если хочешь добиться результата — сделай сам. В кляузе написали, что в 4-м гараже ав-

тобазы на Кожихинской по ночам мышкуют люди, пользуются лазом. Очевидно, писал работник того же предприятия, но не хочет светиться. А может, начальством обижен — решил отомстить. В общем, походило на пустышку. Огаревич послал нас по делам, попросил позднее подтянуться...

— Попросил? — не понял Лавров.

— Приказал, — смутился Чумаков. — Он, это самое, товарищ майор, такой человек... Не научился еще командовать, да и понимает, что временно сидит на начальственной должности. Никто же не знал, что майор Котляр вот так возьмет и погибнет. А кого вместо него? Казанцева? Так он точно не командир...

— Странные дела в отделе, лейтенант, — покачал головой Лавров. — Удивляюсь, как вам еще удается кого-то ловить и устранять. Что установились волками, товарищи офицеры? Не нравлюсь я вам? А я не червонец, чтобы нравиться. Может, исправите ситуацию, чтобы мы приятно вспоминали этот день?

Старший лейтенант Осадчий — рыжеватый крепыш с маловыразительным лицом — отыскал номер автобазы на Кожихинской улице, схватился за телефонный аппарат. Трубку не снимали, и это было странно. А если из горкома будут звонить — тоже не ответят? И ладно, если занято, а то ведь нагло игнорируют вызов!

— Давай попробую, я везучий. — Улыбчивый старший лейтенант Еременко оттер плечом Осадчего и стал накручивать диск.

Этому действительно повезло! Отозвалась сотрудница отдела кадров по фамилии Веснушкина.

— Что творится на вашей автобазе, почему никто не подходит?! Ждете оргвыводы по хозяйственной линии? Военная контрразведка беспокоит!

Гражданка Веснушкина чуть язык не проглотила. Она не знает, где все. Отдел кадров — напротив приемной, женщины слышали, как в ней надрывается телефон. Обычно отвечает секретарша Клавдия Игнатьевна — женщина ответственная и дисциплинированная, но сейчас ее нет на месте. Сотрудники говорят, что ушла на обед. Егор Филиппович тоже вышел, но на территории его не видно, а где он есть — никто не знает. Он директор, где хочет, там и бывает. Пропускная система на предприятии — так себе, полуслепой вахтер всех пропускает и выпускает, это не режимное предприятие! Да, офицера Красной Армии с погонами капитана видели многие: пришел к директору, и они закрылись в кабинете. Сейчас кабинет пуст. На территории офицера тоже не видно. Может, ушел, но никто не заметил, как он уходил.

— А что красноармейцы, с которыми прибыл капитан Огаревич?

— Их тоже не видно. Вроде помогали погрузить ковер... Да, насчет ковра. С этим ковром сегодня была такая занимательная история!

— Гражданка Веснушкина, почему бы вам этот ковер... — Еременко обозлился, но прикусил язык.

— Не войдет, — глубокомысленно заметил старший лейтенант Осадчий.

— Гражданка Веснушкина, вы уверены, что на территории автопредприятия нет капитана Красной Армии и двух солдат? — Еременко уже не контролировал свой гнев.

Гражданка Веснушкина была уверена. Главному бухгалтеру Петру Евсеевичу понадобился директор по неотложному делу. Он пытался зайти в кабинет, но директор его выставил, попросил зайти позже. Егора Филипповича искали по всему предприятию — не нашли. Если бы на автобазе присутствовали капитан и два бойца, уж заметили бы...

— Живо на проходную, гражданка Веснушкина! Выясните, выходил ли наш сотрудник с солдатами! Я перезвоню через пять минут!

Через пять минут переполох продолжился. Вахтер подслеповат, но очертания людей различает. Люди в форме территорию не покидали. Вышли несколько работников — он их узнал по голосам, выехала полуторка на овощной склад с водителем Ануфриевым, ушла машина для перевозки хлебобулочных изделий — за рулем почему-то сидел товарищ Рыхлин...

— Ах, Одесса... — посетовал сухопарый старший лейтенант Бабич — еще один сотрудник отдела.

— Вот только не надо все сваливать на Одессу, товарищи офицеры, — проворчал Лавров. —

Она ни в чем не виновата. Присмотритесь к себе и к вашей манере выполнять работу. Мало вам потерь?

Через двадцать минут группа в полном составе на двух газиках прибыла к воротам автопредприятия. Лавров был новый человек, но уже чувствовал беспокойство. Люди просто так не пропадают — тем более в ситуациях, когда можно позвонить или отправить гонца. На дребезжащей полуторке прибыло подразделение красноармейцев. Три бойца заняли проходную с приказом всех пускать и никого не выпускать, еще трое окружили четвертый гараж, поставив в тупик работающих там людей. Остальные окружили периметр, взяли под охрану здание управы. Неясное чувство подсказывало, что все эти меры — запоздалые.

Старшие лейтенанты Бабич и Осадчий, сверкая корками, вторглись в отдел кадров, где работали четыре женщины. «Военная контрразведка, боже правый, какая честь...» — пробормотала старшая. В приемной и кабинете директора было тихо и безлюдно.

— Товарищ майор, здесь кровь. — Лейтенант Чумаков сглотнул. Он осматривал кабинет. — Смотрите, вот здесь, на шкафу и за шкафом. Ее пытались смыть, но не старались, видно, времени не было — остались брызги...

Оперативники ползали на корточках, выявляя следы на стене и застекленном шкафу. В маленькой уборной с водопроводным краном обнару-

жили грязное ведро и скомканную тряпку — ею вытирали кровь. Остались разводы в ржавой раковине и на полу. У злоумышленников не было времени наводить порядок.

Офицеры опрашивали оробевших служащих.

Лавров отправил людей по адресам Калымова и секретарши Амусовой — но это выглядело чистой формальностью.

Выстраивалась такая картина. Прибыл с визитом капитан СМЕРШ, сидели в кабинете директора, беседовали. В приемной царила Амусова, никого не пускала. Как-то прорвался Порфирьев Петр Евсеевич — главбух предприятия, нарвался на грубость — директор возился за шкафом (возможно, оттаскивал тело, именно там нашли кровь). Потом эта история с ковром... Половина этажа слышала, как разорялся директор...

Вахтер вспомнил, как ушла на обед Клавдия Игнатьевна, как вышел Калымов, уверив работника, что через пять минут вернется.

Лавров кусал губы. Не успел вступить в должность, а уже все прахом, и репутация военной контрразведки явно не на высоте. Сотрудники опрашивали работников предприятия и вскоре выяснили, что посреди рабочего дня пропали четверо: директор Калымов, гражданка Амусова, работники Штыренко и Рыхлин, к тому же последний занимал должность начальника 4-го гаража. Механики, чинившие самосвал, видели, как Штыренко и Рыхлин вынесли из здания свернутый ковер, потащили за угол. Потом по-

звали солдат, скучавших на крыльце. Специально не следили, были заняты своей работой. Солдат с тех пор не видели (а если честно, они никого не интересовали). Уехал хлебный фургон...

— А знаете, товарищи... — Автослесарь в промасленном комбинезоне чесал грязными пальцами залысину. — Не мое, конечно, дело, могу ошибаться, но эти двое тащили ковер так, словно его из чугуна сшили. Или завернули в него что-то...

— Или кого-то, — убитым голосом сказал Чумаков. Офицеры нервно схватились за папиросы.

— Что приуныли, товарищи оперативники? — смерил их неприязненным взглядом Лавров. — Улыбнитесь, завтра будет еще хуже.

Одним звонком подняли в ружье районное отделение милиции. Хлебный фургон нашелся в тупике на Лазаревской улице, рядом с оврагом и мусорными свалками. Живых в машине не обнаружили, ключ находился в замке зажигания. К моменту появления милиции машину охаживали подозрительные личности, но, когда заглянули в кузов, быстро смылись.

— Вот видите, милиция работает лучше, чем контрразведка, — заметил Лавров.

«Ворчливый он какой-то, — переговаривались меж собой оперативники. — Но вроде не зверь, не люгует».

Эти люди даже не представляли, как ему хотелось дать волю гневу!

На территорию автопредприятия въехал потерявшийся фургон. За рулем сидел милиционер с таким видом, словно нашел и вернул государству угнанный бронепоезд.

— Преступники бросили машину, товарищ майор, — отчитался молоденький лейтенант. — Машина целая, но сразу должен предупредить: в кузове... не хлеб.

Взорам предстали мертвые тела. Солдат зарезали, как свиней. Красноармейцы извлекли трупы из кузова, положили на землю. Потом достали ковер, развернули. Злобно запыхтел старший лейтенант Осадчий. Остальные отвернулись. Чумаков смахнул с глаза «соринку», сделал жалобное лицо.

— Это что же происходит, товарищ майор... На той неделе товарища Котляра потеряли, теперь — Володьку Огаревича... На фронте потери были меньше, чем в этом долбаном тылу...

— У Огаревича семья в Свердловске, — вздохнул Еременко. — Жинка такая красивая — он фотокарточку показывал, сыну четвертый год — аккурат перед войной пацана заделал... Эх, знать бы, где упасть...

— Головой надо думать, — огрызнулся Лавров, — а не тем местом, на которое падаете... А вы чего уставились? — Он резко повернулся к милиционерам. — Сами там же будете. Сегодня вы оказываете содействие военной контрразведке — ваше начальство получит соответствующее письменное распоряжение. Тела увезти в

морг, изолировать персонал автобазы, особенно в четвертом гаражном блоке. И мне плевать, что у них срывается план и не сбываются социалистические обязательства! Опросить людей на Лазаревской улице — они могли видеть, куда подались душегубы!

— В овраг они подались, товарищ майор, — подсказал Бабич. — Там свалки, лесок, могут пойти в любую сторону или разделиться...

— Значит, простим им эту выходку? — Лавров просверлил глазами подчиненного, и тот пожалел, что открыл рот.

Четвертый гараж был самый невзрачный, сложен из блоков ракушечника — добывали его, по-видимому, здесь же. В гараже стояли три машины, их приказали выгнать. СМЕРШ не церемонился: любое противодействие законным требованиям, игнорирование приказов и — добро пожаловать в известный дом на Большой Приморской, куда легко войти, но трудно выйти!

Пространство очистили, посторонних удалили. Здесь же находилась ремонтная мастерская, стояли верстаки, станки — расточной, сверлильный, фрезерный, компактная гильотина, очень удобная для отрубания пальцев. Пространство замусорили свех приличий, складывалось впечатление, что намеренно.

Люк обнаружили в дальнем углу, за штабелями пустых контейнеров и бочкотары. На куске брезента лежал разобранный двигатель. Брезент

оттащили вместе с металлическим хламом, под ним вскрылась крышка люка. Петли лоснились от масла, крышка не скрипела.

Люди сгрудились на корточках, опасливо глядя в пропасть. Включили фонарь — тусклый «зайчик» забегал по заплесневелому камню, по добротной лестнице, ведущей в подземелье. Кто-то в шутку бросил: «Гранату бы туда, а потом можно заходить».

Алексей отстранил любопытствующего Чумакова, вытянул шею. Спина покрылась мурашками — мало удовольствия смотреть в бездну, которая тоже смотрит на тебя...

— Глубокая каменоломня, товарищ майор, — зачарованно пробормотал Бабич. — И лесенка добротная, для себя делали, часто спускались и поднимались. Навестим подземный мир, товарищ майор?

Алексей колебался. Не всякая ситуация требует безрассудных действий. Он не слышал, как во двор предприятия въехала черная эмка в сопровождении грузовичка «ГАЗ-4». Начальник армейского Управления СМЕРШ полковник Лианозов ворвался, как шторм: распахнутые полы форменного плаща едва поспевали за владельцем. Полковник был невысок, но широк в кости, имел массивную нижнюю челюсть и взгляд, которому бы позавидовал сам Малюта Скуратов. Оставалось лишь гадать, кто ему сообщил о событиях на автобазе.

— Товарищ полковник... — Алексей даже растерялся.

— Что, майор, не ждал? — У полковника был хриплый голос от хронического кашля. Сумрачные тени бегали по лицу, вырубленному из камня. — Что тут у вас? — Он вытянул шею, всмотрелся в черноту колодца. — Ну, собственно, то, чего и ожидали... Доложишь о первых итогах проделанной работы! Ты не стесняйся, понимаю, что первый день на новом месте...

Прозвучало, как угроза: ты не один, кандидатов хватает. Пришлось докладывать, терять драгоценное время. Услышав об очередной гибели оперативника, Лианозов скрипнул зубами — можно понять человека, опытные кадры с неба не сыплются.

— Я говорил тебе, майор, что за ошибки твоих сотрудников расплачиваться будут не только они, но и ты?

— Так точно, товарищ полковник, готов ответить за все ошибки фронтовой контрразведки. Картина ясна. Донос — не ложный, на автобазе орудовали злоумышленники, и визит капитана Огаревича стал для них сюрпризом. Возможно, этот люк — часть их плана. На автобазе действовала группа вражеских элементов, представлявших себя добропорядочными гражданами. Не думаю, что это уголовщина — слишком уж хитры, расчетливы, быстро принимают решения и хорошо подготовлены: убили трех человек, да так, что те и не пикнули. Злоумышленники скрылись: это директор автобазы Ка-

лымов Егор Филиппович, его секретарша Амусова Клавдия Игнатьевна, работники четвертого гаража Рыхлин и Штыренко. Мои люди будут заниматься поисками преступников, отработкой их связей.

— Наверняка остались и другие. Ты уверен, что эта четверка — вся вражеская ячейка?

— Склоняюсь к тому, товарищ полковник. Других тут нет. Объект потерян — зачем им оставаться? И не такой уж важный этот гараж, чтобы концентрировать на нем крупные силы. Но объект удобный — Рыхлин руководил гаражом, всегда мог удалить из него посторонних, да и автотранспорт под рукой, и начальство прикроет. С базы пропали только четверо — мы успели перекрыть выходы. Теоретически может остаться кто-то из сообщников, но я не верю. Противник понимает, что мы примем все меры к поиску лазутчиков, просеем персонал и вычислим врага. Так что сомневаюсь, что работа с оставшимися людьми что-то даст.

— Полагаешь, этой дыркой часто пользовались? — Полковник Лианозов задумчиво уставился на люк.

— Полагаю, это важный элемент вражеской инфраструктуры. Под землей — проход на их базу. Уверен, этот лаз не пересекается с другими ходами, которых под городом множество. И посторонние не попадут на их базу, если не знают, куда идут. Такое несложно сделать, товарищ майор, — если задаться целью. Завалить

боковые проходы, выставить препятствия, ловушки...

— Согласен, — перебил начальник Управления. — Девяносто процентов, что этот лаз приведет нас к искомой банде. Разумеется, он не единственный, но нам и не нужно выявлять все ходы и выходы. Ждешь, пока я дам отмашку, майор? — нахмурился главный армейский контрразведчик. — Собирай всех людей, что у тебя есть, спускайтесь в лаз, найдите мне эту чертову базу! Ты понимаешь, что есть реальный шанс накрыть группу уже сегодня?

— Есть, товарищ полковник... — в горле пересохло — предвестие недобрых предчувствий. — Разрешите высказать собственное мнение? Прошло два часа, как Калымов и его люди пустились в бег. Они давно в катакомбах и доложили своему руководству о случившемся. По-вашему, они будут сидеть сложа руки? Понимают, что мы попытаемся накрыть их, и уже приняли меры. Мы не пройдем, товарищ полковник, нас заманят в ловушку, будут потери. Нужны серьезные силы, нужны проводники, досконально знающие эти катакомбы...

— Майор, что я слышу? — возмущился полковник. — Да мне плевать на твое мнение! Согласно характеристике, ты волевой и решительный командир, всегда доводишь начатое до конца! Мне тебя рекомендовали как храброго сотрудника, не пасующего перед трудностями! И что я сейчас слышу?